

**Олег
ВОРОБЬЕВ**

г. Санкт-Петербург

*Ах, Александр Сергеевич, милый –
Ну что же Вы нам ничего не сказали.
О том, как дышали, искали, любили,
О том, что в последнюю осень Вы знали,
В последнюю осень.*

Ю. Шевчук

«...Вновь я посетил тот уголок земли...»
Случилось этой осенью снова побывать в пушкиногорском музее-заповеднике. Три года собирался, а тут выпал случай.

В близком пути к Пушкинским Горам по сторонам от дороги были холмы, река, просторный горизонт с извилистыми контурами леса. Наш такой близкий русской душе пейзаж, который вызывает пронзительное чувство тоски. Это чувство предвещало мои грустные и радостные переживания.

Конечно, на этой волшебной по красоте и сказочной территории все говорит об Александре Сергеевиче. Лет через двадцать после трагической дуэли Аполлон Григорьев сказал, что «Пушкин – наше все...». Кто б сомневался.

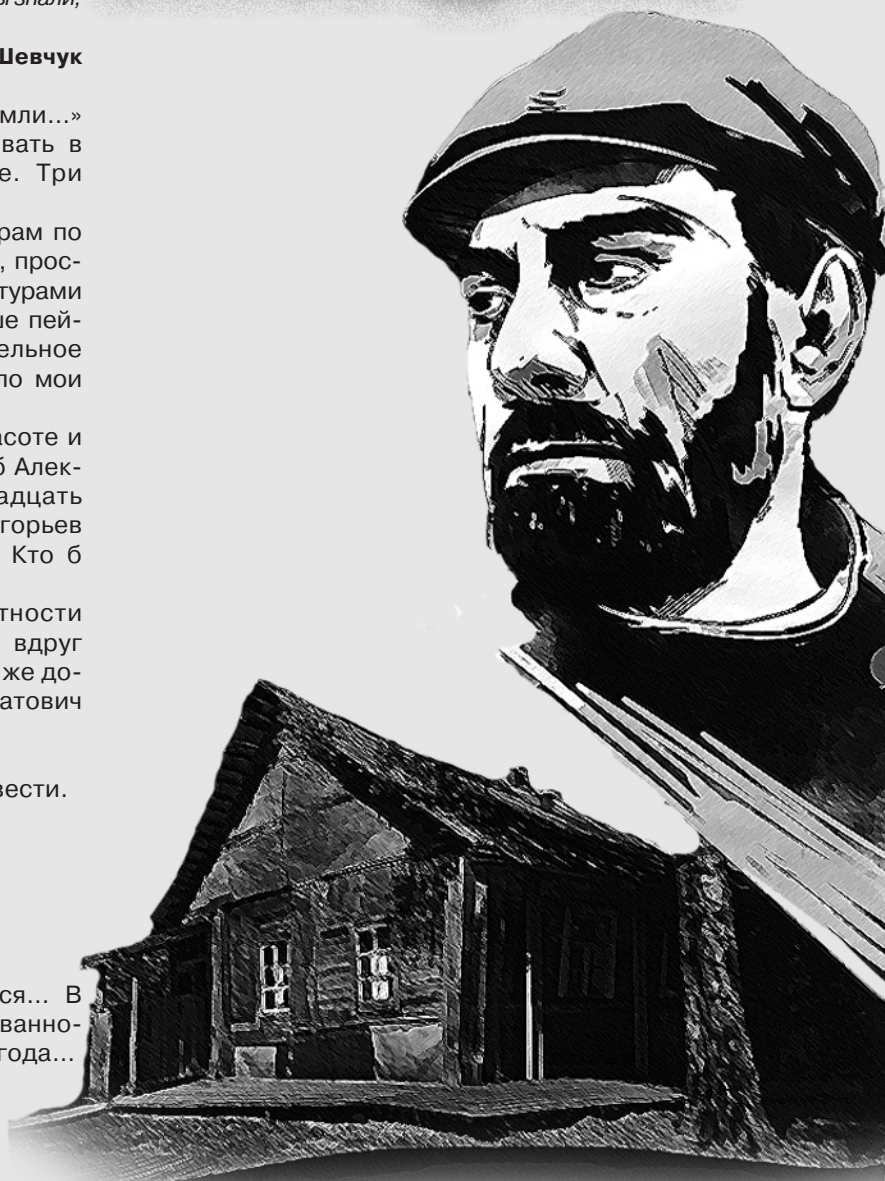
Но, блуждая по заповедной местности между исторических строений, мне вдруг подумалось: а ведь здесь же, по этим же дорожкам и тропам, бродил Сергей Донатович Довлатов.

Рассказывал про «наше все».

Вот небольшая выдержка из его повести.

«– Хочу поработать в заповеднике.
– Экспозицию знаете?..
– Я был здесь раза три.
– Этого мало.
– Согласен. Вот и приехал снова...
– Нужно как следует подготовиться... В жизни Пушкина так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года...
– В жизни Пушкина? – удивился я...»

ДОМ В ЗАПОВЕДНИКЕ

6 *Олег Воробьев*

– Не в жизни Пушкина, – раздраженно сказала блондинка, – а в экспозиции музея.

– Почему?

– Например, сняли портрет Ганнибала. Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский.

– Кто же это на самом деле?

– И на самом деле – Закомельский.

– Почему же он такой черный?

– С азиатами воевал на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени.

– Значит, правильно, что сняли?

– Да какая разница – Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фига им Закомельский?! Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала. А какому-то деятелю не понравилось...»

Читая это, хохотал до слез. Может, у меня плохое чувство юмора? Извините.

* * *

Так вот – Пушкин и Довлатов.

Сергей Донатович тоже НАШ. И не важно, сколько эфиопских, еврейских, армянских и других кровей намешано. Взращены они на НАШЕЙ российской почве. И все хорошее или нехорошее влилось в плоть и разумение. «Потри русского и найдешь татарина», – говорят в народе. Кстати, авторство этой фразы иногда приписывают Пушкину.

* * *

Моя поездка в Пушкинские Горы^{*} копилась три года. Все попутчики, собиравшиеся составить компанию, не состоялись. И, плюнув на все, решил отправиться самостоятельно. Жизнь – штука мудрая, ей виднее, куда и когда мне нужно...

Главным для меня в поездке была не пушкинская тема, а желание побродить по волшебным далям, пройти по треугольнику Петровское – Михайловское – Тригорское. Побывать в Березино в гостях у Довлатова. Там, где он работал, пил, размышлял. И вот на макушке осени посчастливилось скататься.

Всё вокруг было уже лишено летней бушующей жажды жизни. Словно замерло и клонилось в сон. Деревья стояли разноцветные, но уже теряли вол-

шебное осеннее одеяние, постепенно засыпая под шорох ветра. Золото листьев было щедро брошено под ноги и шелестело. Небеса были прозрачны и полны тревожной высоты. Улавливался терпкий запах тлеющих трав. И внутри блуждало что-то необъяснимое, что-то волнительно-тревожное, а вокруг всё такоооооооо, что тоской не измерить...

Заповедник. Конечно же, ОН до звона наполнен «нашим всем», и это справедливо. Окружающие ландшафты, по моему впечатлению, произошли не в результате вековых трудов природы, а от стихов Александра Сергеевича. Стихи звучат в Петровском, Михайловском, Тригорском, около прудов, аллей, скульптур, строений. Паломник этих мест в них купается, ими дышит, они его обволакивают и влекут по тропам и дорожкам загадочных маршрутов.

Я скептически отношусь к музеям. Пушкиногорье – отдельная история. Здесь можно прогуляться без шумных толп. Парки – восторг и очарование. Все ухожено, но без лишнего лоска и показухи. Это напомнило мне прогулки по Валааму.

* * *

Не хотелось мне идти в толпе и слушать заученные тексты, произносимые гидами. Поэтому, следуя самостоятельно, иногда подходил к той или иной группе туристов, прислушиваясь к экскурсоводам. И услышал удивительный диалог:

– Послушайте, как читает Пушкина Смоктуновский!

– А Лановой?

– Ну, знаете, Лановой читает по-советски.

– ??? – это мое недоумение.

Конечно, кому нравится попадья, а кому-то попова дочка... Но кто определяет стиль чтения? А тут прямо какое-то клеймо: «по-советски». Запретить Ланового? Хорошо, что это экскурсовод, а не министр культуры. Кстати, Василий Лановой – Актер. Именно – Актер, а не одна из множества звезд, которых сыплют на нас телевизионные каналы. И Смоктуновский – Актер.

* Прежние названия Пушкинских Гор: Слобода, Слобода Тоболенец, село Пушкинские Горы, посёлок Пушкинские Горы. Село Пушкинские Горы было одновременно образовано из двух рядом расположенных поселений – населённых пунктов Слобода Тоболенец и второго поселения – Святые Горы – это территория мужского Успенского монастыря.

Следуя далее, я услышал, что упоминание о Довлатове в заповеднике запрещено. На официальном уровне. Но если обратиться, отведя рассказчика в сторону, то он, конечно, кое-что поведает вполголоса. Но лучше на эту тему поговорить с местными жителями. Даже отвезут и покажут дорожку к тому самому довлатовскому домику. За деньги.

Но прежде я остановился перед гостиницей, где проживал Сергей Донатович, перед тем как поселился в домике Михаила Ивановича. Гостиница «Дружба» называется, номер 231 – не мемориальный.

«Я взял бутылку портвейна и две шоколадные конфеты. Все это можно было повторить трижды. Еще и на сигареты оставалось копеек двадцать», – пишет Довлатов.

Рядом магазин. Может, и мне повторить этот рецепт?

Домик, где он проживал, конечно, не усадьба, но есть добрые люди, собравшие средства на его малую «реставрацию». Да и Толик, помогавший Сергею разыскать место для проживания, никуда не делся. Когда я подошел к дому и спросил о нем вышедшую навстречу женщину, она сказала:

– Да что ему станется. Вон, борщ ест.

* * *

Проводя первую экскурсию по Михайловскому и зайдя в комнату Арины Родионовны, няни Пушкина, наш герой повести Довлатова говорит: «Поэт то и дело обращался к няне в стихах. Всем известны такие, например, задушевные строки...» И тут он вздрогнул, услышав собственный голос: «Ты жива еще, моя старушка...» Он прочел стихотворение до «кабацкой драки» и «финского ножа», понимая, что с Пушкиным это не могло произойти. Теперь есть такая байка: что, закончив декламировать есенинские стихи, обращенные к матери, Сергей произнес: «Боже, что я несу?» Он, видимо, подумал, что сейчас на него обрушится народный гнев. Обвинят в невежестве. Но...

Народ, прослушав это «посвящение», безмолвствовал. Лишь один значительно выговорил:

– Да, были люди...

Теперь эти слова: «Боже, что я несу?...» можно увидеть на сувенирном пакете стоимостью 80 рублей.

* * *

Культом Пушкина настолько пронизана территория музея-заповедника, что отвлечься от темы невозможно. Но Довлатов не был бы самим собой, если бы шел традиционным путем.

Думаю, понимая, что Александр Сергеевич был разносторонний человек: поэт, прозаик, историк, Довлатов не мог определить его для себя только как Поэта и Гражданина. И вот Сергей придумал такую игру: не произносить на экскурсии имя «Пушкин». Он называл его автором «Евгения Онегина», создателем современного русского языка, светилом русской поэзии и другими титулами. И следующая байка такая. Подходит в конце маршрута дама и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, в имении какого писателя мы были?»

* * *

*Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.*

Из Михайловского в Тригорское по дороге километров восемь, а если тропинкой, вдоль реки Сороти – в половину меньше. Как увидит Пушкин из кабинета, что к дому бричка подъезжает с незваными гостями, он быстренько к черному входу, за калитку, – и напрямик через луг к реке и в Тригорское. Здесь он любил бывать и даже оставался ночевать. Поскольку в доме проживали юные барышни, его отправляли на ночлег в баню. А то мало ли... По записям тригорского старожила Федора Михайловича, зная пылкий нрав поэта, шутливо говаривали: «Пушкин, а не пошел бы ты в баню».

В этой же бане вместе с братом хозяйки Вульфом и поэтом Языковым варили и пили жженку, предавались дружеским беседам и милым развлечениям.

*Запируем уж, молчи! Чудо – жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи, А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены, Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.*

Еще из развлечений была святогорская ярмарка, на которую Пушкин явился в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с тростью, в коричневой шляпе, привезенной из Одессы, чем эпатировал бомонд, съезжавшийся закупать вино и сахар. Бомонд был скандализирован. Трость была железная, поэт её специально носил для тренировки, чтобы рука не дрожала при стрельбе из пистолета. Не помогло...

«Здесь мне очень весело, – сообщал он в письме Дельвигу. – Здесь очень много хороших девчонок... я с ними вожусь платонически, и от этого толстею и поправляюсь в моем здоровье...»

Таков смех сквозь слезы.

* * *

Размышляю, что же роднит этих двух людей, ради которых предпринял поездку. И нашел. Довлатов пишет: «У Пушкина тоже были долги и неважные отношения с государством. Да и с женой приключилась беда. Не говоря о тяжелом характере...» Это, конечно, не означает, что Сергей ставит себя вровень с Александром, но в житейском плане с разрывом в сто с лишком лет очень похоже. Если же серьезней, то приведу еще пару цитат.

«Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нем...»

«Рассказывал... о маленьком гениальном человеке, в котором так легко уживались Бог и дьявол. Который высоко парил, но стал жертвой обыкновенного земного чувства. Который создавал шедевры, а погиб героем второстепенной беллетристики. Дав Булгарину законный повод написать:

«Великий был человек, а пропал, как заяц...»

Вот горечь за судьбу гения. Вот горечь за жестокость окружающих. Это слезы и гнев.

А что же я? А я, возвратясь, снял с книжной полки несколько томов и взялся перечитывать авторов.

Забодай меня волк, но каждая прочтенная мной строка втолковывала: я идеальна, я вечна, я гениальна. Вот что оставлено в наследство. Читайте. У меня даже родилась шальная мысль: пройдут года, забудут нобелевцев Солженицына, Бродского, а просто литераторы, не отмеченные международными премиями, Пушкин и Довлатов будут помниться вечно.

То, что здесь написано – личная точка зрения. Кто не согласен – швыряйте проклятия в мой адрес.

□

Олег Георгиевич ВОРОБЬЕВ

родился в 1941 году в г. Сухуми (Абхазия).

Окончил Высшее военно-политическое училище

Советской армии и Военно-Морского флота.

Культуролог.

Пишет прозу.

Занимается туристским бизнесом.

Действительный член Международной

и Национальной академий туризма.

Автор теоретических статей по внутреннему туризму.

Живет в Санкт-Петербурге.

